

Ло Вэньсинь проспал долго и крепко, но пробуждение принесло лишь ощущение слабости, словно тело налилось свинцом. Жар, терзавший его после вчерашнего мимолетного дождя, отступил, оставив лишь изможденность.

После сна, казалось, ничто не предвещало беды. Лю И, неслышно ступив, толкнула дверь и вошла, держа в руках полотенце. Ло Вэньсинь сладко потянулся, расплываясь в сонной улыбке, и прошептал ей «Доброе утро».

В следующую секунду комнату пронзил её испуганный крик.

— Что с твоим лицом?

Ло Вэньсинь, инстинктивно запахнувшись в одеяло, вопросительно взглянул на неё. Прямо на его бледном лице алели странные отметины, бросаясь в глаза своей неестественной яркостью.

— Что случилось? — растерянно пробормотал он, проводя рукой по щеке. В его глазах читалось непонимание.

Лицо его, и без того миниатюрное, теперь украшали два идеально симметричных красных следа, словно аппликация из алой бумаги, приклеенной на личико новогодней куклы. В этом нелепом сочетании проглядывало что-то трогательное и праздничное.

Он был красив, даже пленителен, но обычно слишком болезненен. Сейчас же растерянность смягчила его черты: длинные ресницы трепетали, на щеках играл румянец, придавая ему мальчишескую живость, хотя он по-прежнему казался немного ошеломленным.

Лю И несколько мгновений молча разглядывала его, прежде чем её сдержанный смех нарушил тишину. Не говоря ни слова, она смочила полотенце в теплой воде и нежно вытерла ему лицо, стараясь не думать о странном происхождении этих следов.

— Откуда у тебя эти отметины после сна? Болит?

Ло Вэньсинь откинулся назад, прищурившись от прикосновения горячего полотенца, и послушно ответил:

— Не болит.

— Не ты ли сам себя ущипнул во сне? — поддразнила его Лю И. — Или ты ещё не совсем проснулся?

Ло Вэньсинь не понимал, о чём говорит Лю И. Лишь закончив умываться и сидя перед старинным бронзовым зеркалом, он отчетливо увидел на своих щеках отпечатки двух пальцев.

Его изумление не знало границ. Придвинувшись ближе к зеркалу, он приподнял подбородок и долго рассматривал своё отражение слева направо, пытаясь понять причину появления этих загадочных отметин.

Это было странно.

Неужели кто-то ущипнул его за лицо, пока он спал?

В Сяньчжоу зачастили дожди, порой затяжные, на несколько дней, а по ночам гремел гром,

пугая своими раскатами.

Ло Вэньсинь боялся грома больше всего на свете.

В детстве у него было слабое сердце. Каждый раз, когда гремел гром, его охватывал такой ужас, что он задышался, и сердце начинало бешено колотиться.

Даже после успешной операции, восстановившей работу сердца, страх перед грозой не отступил.

В грозу рядом всегда была мама, а когда приезжал старший брат, он брал на себя её роль. Его гладили по спине и ласково убаюкивали, пока страх не отпускал.

Когда он попал в Сяньчжоу, зима была уже не за горами. Зимы здесь были холодными и сухими, часто шли снегопады. Тихие снежные ночи дарили спокойный сон.

Но с приходом весны Ло Вэньсинь начал чувствовать себя все хуже.

Весенние ливни обрушивались на город с новой силой, а весенний гром становился все громче и раскатистее. Даже полностью укрывшись одеялом с головой, он дрожал от страха.

Но теперь рядом не было никого, кто мог бы погладить его по спине и убаюкать.

Ло Вэньсинь молча съежился под одеялом. Давно забытая тоска по дому с новой силой захлестнула его в эту дождливую ночь.

Он закрыл уши руками и попытался уснуть, но страх не отступал.

Ло Вэньсинь никогда не просыпался по ночам, но, возможно, из-за грома, а может быть, из-за слишком крепкого чая, выпитого перед сном, он впервые проснулся посреди ночи.

Оглядевшись, он заметил в комнате ночной горшок.

Когда Ло Вэньсинь впервые приехал в Сяньчжоу и заболел, он уже пользовался этим предметом, но все равно чувствовал себя неловко.

Теперь же острая боль внизу живота не оставляла выбора. Он сел, протер глаза, накинул на себя халат и в одиночестве направился в уборную, расположенную во дворе.

В темноте дорога казалась скользкой, поэтому Ло Вэньсинь приходилось идти медленно, осторожно ступая. Дождь лил не переставая, и воздух был пропитан влагой, отчего он вскоре продрог до костей. Закончив свои дела, он поспешил обратно, дрожа от холода.

Усадьба Сяньюнь была огромной. Днем её размеры не так бросались в глаза, но с наступлением темноты казалось, что комнаты тянутся бесконечной чередой, а коридоры превращаются в темные, извилистые лабиринты.

Ло Вэньсинь ужасно замерз и мечтал лишь о том, чтобы поскорее вернуться в теплую постель. Миновав несколько поворотов, он наконец-то вышел в знакомый двор, толкнул дверь и тут же заскочил в постель под теплое одеяло.

Он уткнулся лицом в подушку и глубоко вздохнул.

Пока он был на улице, тепло из постели выветрилось, и она казалась ледяной, даже холоднее,

чем до того, как он уснул.

Сбросив туфли и верхний халат, он спрятал свои окоченевшие ноги под одеяло. За окном все еще гремел гром, и он, закрыв уши руками, постепенно провалился в беспокойный сон.

В комнате царил непроглядный мрак, лишь изредка вспышки молний, прорезая тьму белым светом, на мгновение освещали пространство перед кроватью.

Полночь.

Дверь бесшумно отворилась.

Мужчина, одетый лишь в темные брюки, вошел в комнату, вытирая мокрые волосы большим полотенцем.

Небрежно проведя им по волосам пару раз, он бросил полотенце на умывальник. Капли воды, все еще собиравшиеся на его волосах, медленно стекали по мускулистой спине.

Полотенце упало на раковину криво и бесформенно. Цзи Шэн вытер лицо и подошел к кровати, слегка нахмутив брови.

В последние дни его терзало необъяснимое беспокойство.

Когда Цзи Шэна что-то раздражало, это не лучшим образом сказывалось на Мэн Цяо. Они тренировались в горах до поздней ночи, но когда ливень усилился, им пришлось вернуться в город.

Цзи Шэн коротко кивнул, и Мэн Цяо, прикрыв голову рукой, скрылся в темноте.

Перед тем как уйти, он небрежно бросил Мэн Цяо склянку с мазью, все еще мысленно возвращаясь к словам Ло Вэньсиня, назвавшего его извращенцем.

Когда они уже почти достигли края татами, небо прорезал оглушительный раскат грома.

Что-то слабо вздрогнуло на диване. Цзи Шэн замер на месте, его зрачки сузились, и он был готов убить незваного гостя одним лишь взглядом, не сокращая дистанцию.

К счастью, в короткой вспышке молнии он успел разглядеть лицо спящего под одеялом и с трудом подавил внезапный приступ ярости.

Под одеялом Цзи Шэна, свернувшись калачиком, безмятежно спал мальчик.

Его нежные мочки ушей белели в полумраке, веки были розовыми от сна, а пухлые губы алели ярче обычного. Весь он, лежавший под одеялом, казался комочком только что выпавшего снега.

Цзи Шэн долго смотрел на него, прежде чем медленно опустил руку. В его взгляде читалась мрачная задумчивость.

Любой, кто занимается боевыми искусствами, отличается повышенной бдительностью, а Цзи Шэн – особенно.

Благодаря своим способностям, он обычно мог почувствовать присутствие человека еще до того, как тот входил в комнату.

Он мог пронзить деревянную дверь мечом, и никто не успел бы даже понять, что произошло.

Но сегодня был сильный дождь и гром, а Цзи Шэн только что вышел из ванной, расслабленный и умиротворенный.

Ло Вэньсинь всегда был слаб здоровьем, и его дыхание было гораздо слабее, чем у обычного человека. Поэтому, съжившегося под одеялом, Цзи Шэн даже не заметил его. Он подошел к кровати, и посмотрел на Ло Вэньсиня. Через мгновение он оперся руками о кровать, наклонился, и осмотрел Ло Вэньсиня более внимательно, дюйм за дюймом. Т

Точно так же, как, когда приносил цветы персика и клал их у его кровати. Его взгляд был настолько пристальным, что, казалось, он осязаемо упал на мальчика. Если бы Ло Вэньсинь уже не уснул, он наверняка был бы вынужден спрятаться у изножья кровати под его пристальным взглядом.

Мальчик был худенький и маленький. Цзи Шэн долго смотрел на него. Он, конечно, не аристократ. Он был совершенно несведущ в четырех искусствах, и высокие моральные качества не имели к нему никакого отношения. Но в то же время он чувствовал, что его не следует считать извращенцем.

Это слово, стоит только услышать, как становится ясно, что оно не предназначено для описания хорошего человека. Однажды он косвенно спросил об этом Мэн Цяо, и после того, как тот так испугался, что лишился дара речи, он узнал, что в Цзуй Ту Шань, самом большом логове беззакония в Сучжоу, по-настоящему извращенные методы заключаются не только в прикосновении к икрам другого человека.

Так какое же теперь это имеет значение?

Этот парень тайно пробрался к нему ночью в постель. Капля воды упала с пряди мокрых волос на лоб мальчика и мгновенно образовала блестящий след. Взгляд Цзи Шэна задержался на белоснежной шее. Спустя долгое время он протянул руку и вытер каплю воды. Движения были необычайно мягкими.

Но теперь он не мог выдернуть руку. Две маленькие ручки высунулись из-под одеяла и мягко обняли его предплечье. Движения мальчика были невероятно отточенными, словно он делал это уже бесчисленное количество раз, как послушный котёнок. Однако слова, которые он произносил, были полны крайней обиды, словно он вот-вот закричит: «Братец, не уходи...»

Затем он прижался к нему лицом. Мягкая, нежная щека тёрлась о ладонь Цзи Шэна, отчего его мышцы напряглись, а ладонь зачесалась. Казалось, он мог одним движением пальцев раздавить нежную шею мальчика. Но Ло Вэньсинь все еще бормотал и умолял, его слова звучали как лепет: «Не уходи, мне страшно...»

Голос становился все тише и тише, но рука все еще сжимала Цзи Шэна. Тот позволил ему держать себя за руку и постоял в таком положении некоторое время, пока парень не перестал двигаться, затем приподнял угол одеяла. «Ты это сказал». Голос мужчины был тихим, ее слышным в темной ночи.